Развод.

Теперь плакать будешь ты

Яна Дмитриева

Яна Дмитриева

Развод. Теперь плакать будешь ты

«Автор»
2026

Дмитриева Я.

Развод. Теперь плакать будешь ты / Я. Дмитриева — «Автор», 2026

— Я хочу, чтобы она не получила ни рубля! И дети останутся со мной.Я замерла за дверью переговорной. Голос принадлежал моему мужу.Десять лет брака. Двое детей. Я верила Денису настолько, что подписывала документы, даже не читая. А теперь он собирается оставить меня без денег, без дома и без детей.Но самое страшное ждало впереди.— С её психикой вопрос решим. Врач уже предупреждён.Беременная любовница. Подготовленные бумаги. Ложное медицинское заключение. И тайна моего прошлого, которую я доверила только ему.Денис продумал всё. Кроме одного.Я слышала каждое слово.Он уверен, что я расплачусь, подпишу всё и тихо исчезну из его жизни.Что ж, дорогой, развод так развод.Только теперь я буду играть по своим правилам.И когда ты поймёшь, кого на самом деле потерял, будет слишком поздно.

© Дмитриева Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Развод без следов 5
Глава 2. Мама по всем правилам 11
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Яна Дмитриева
Развод. Теперь плакать будешь ты

Глава 1. Развод без следов

— Я хочу, чтобы она не получила ни рубля! И дети останутся со мной.

Я замерла перед дверью переговорной.

Голос принадлежал моему мужу.

Не похожий на себя — без привычного домашнего раздражения, без усталого «Полин, ну сколько можно». Спокойный. Деловой. Таким голосом Денис согласовывал сроки и требовал скидку у поставщиков. Сегодня он обсуждал, что заберёт у меня.

Я прижала к груди папку с медицинским заключением. Бумажный край впился в ладонь, но я даже не попыталась ослабить хватку.

— Денис, дети — не приложение к имуществу, — возразил мужчина за дверью. — И отсутствие работы у матери не означает, что их оставят с отцом.

— Виктор, я поэтому к тебе и пришёл. Мне нужен развод. Без скандала. Без потерь. Для меня, разумеется.

Я сделала шаг назад. Туфля тихо скользнула по гладкому полу.

Ещё пять минут назад я собиралась доказать мужу, что не сошла с ума. Теперь боялась, что он услышит, как бешено колотится моё сердце.

Утром я вошла в его офис с обычной папкой и совершенно обычной надеждой: наконец прекратить разговоры о моей «неустойчивости». Лифт медленно поднял меня на восьмой этаж. В зеркале отражалась аккуратная женщина в светлой блузке и бежевом пальто — та самая благополучная супруга, которую Денис любил показывать знакомым.

«Полина у меня золото. Детьми занимается, дома порядок. Карьерные гонки ей ни к чему — у нас она за семью отвечает».

Я тогда ещё подумала, как странно звучит это «у нас», будто меня уже нет в числе тех, кто решает.

— Полина Андреевна, к Денису Олеговичу? — улыбнулась Света за стойкой.

— Только бумаги передам.

— У него очень важная встреча. Просил не беспокоить.

Я сказала, что подожду. Потом вышла в коридор — будто просто рассмотреть новые картины, которые Денис недавно выбирал с дизайнером. У переговорной дверь оказалась неплотно прикрыта. В щели горел свет.

И первое же услышанное предложение отменило всю мою прежнюю жизнь.

Вчера муж посоветовал мне психотерапевта. Точнее, настоятельно потребовал: «Из каждой ерунды делаешь трагедию. Ежедневные истерики мне не нужны». К специалисту, которого он обещал подобрать, я не пошла. Записалась к своему врачу. Тот выслушал, осмотрел и написал чёрным по белому: психических расстройств нет.

Я приехала сюда с этой справкой, наивно надеясь, что Денис перестанет обращаться со мной как с поломанной вещью.

А он уже договаривался, как отнять детей.

За матовым стеклом шуршали бумаги. Я медленно подалась ближе, прячась за высокой вешалкой.

— Предположим, Полина откажется подписывать, — произнёс Виктор. — Вы ведь понимаете, что её согласие нельзя просто заменить вашим желанием?

— Она согласится, — отрезал Денис. — Ты плохо её знаешь. Скажу, что так лучше для семьи, — поверит.

Слово «семья» ударило больнее, чем «ни рубля».

Я вдруг вспомнила, как много лет назад мы вместе тащили пакеты на пятый этаж съёмного дома. У пакета порвалась ручка, апельсины покатились по ступенькам. Денис ловил их, ругался и смеялся над собой. Мне тогда понравилось именно это: он умел смеяться над собой.

Сейчас смеяться было нечему.

Я стиснула папку и осталась за дверью. Если толкну её сейчас, он получит именно ту истеричку, о которой рассказывает последние месяцы.

Пусть говорит. Я должна услышать всё.

— Надо учитывать, — осторожно замечает Виктор, — что детьми всё это время занималась мать. Её отсутствие на работе не превращает её в плохого родителя. Суд будет смотреть на жизнь детей, а не только на ваши доходы.

Муж коротко усмехается. Раньше за эту усмешку я готова была его поцеловать. Теперь хочется проверить, насколько крепко у человека держатся глаза.

— Кое-какие подписи уже стоят, — отвечает он. — В старых бумагах она согласилась не претендовать на имущество. А окончательное соглашение принесём отдельно: покажем так, чтобы не стала вчитываться. Ей достаточно сказать, что всё ради детей.

Я опускаю глаза на кольцо. Трясётся не металл, конечно. Рука под ним.

Подписи стоят? Я от чего-то отказалась? Когда это я успела?

Виктор прочищает горло.

— Всё же напомню: даже подписанный лист ещё не означает, что суд примет любые условия. А если подпись получена обманом…

— Никто никого не принуждает, — в гладком голосе мужа проступает недовольство. — Она мне полностью доверяет. Скажу, что детям так будет лучше, — подпишет любую страницу. Ты ведь знаешь, что с ней делает слово «семья».

Знаю. Ещё как. Особенно когда за этим словом следует очередной инструктаж на тему хорошей жены.

Я подбираюсь ближе и прячусь за вешалкой. Матовое стекло смазывает очертания, но различить можно: Денис устроился боком к выходу, в руке чашка, поза совершенно домашняя. Напротив — тёмный пиджак, раскрытая папка, ноутбук. Виктор.

— Тогда по порядку, — говорит адвокат. — Имущество и детей нельзя свалить в один отказной лист. У них самостоятельное право на содержание. Условия, которые его нарушают, можно оспаривать. С местом жительства тоже не так: подпись матери не избавляет от оценки интересов детей, если потом возникнет спор.

— Я знаю, — обрывает Денис. — Но если она согласна и не начинает судиться, нам не приходится об этом спорить. Пусть поверит, что вопрос уже решён.

— И делить там нечего, — бесцветно продолжает Денис. — Денег от неё не было вообще. Зарабатывал я. Ипотеку оформлял я, бизнес-кредит тоже выбивал я. Её вклад — родить и развозить детей по кружкам.

В глазах начинает щипать. Я не сразу соображаю, что виноваты не слёзы, а резкий свет прямо надо мной. Нащупываю выключатель. Лампа гаснет. В полумраке спокойнее. В полумраке меньше шансов попасться.

Родить и развозить. Ну да. Ещё случалось среди ночи стирать тебе рубашку к судьбоносной встрече, дорогой. И по двое суток не отходить от дочки в больнице, пока ты геройствовал на затянувшихся переговорах. Но такие вложения в бухгалтерию не заносят.

— Допустим, с соглашением получится, — произносит Виктор уже заметно напряжённее. — Но отсутствие принуждения суд всё равно проверит. Возникнут вопросы к состоянию вашей супруги…

— С этим тоже порядок, — перебивает муж. — Приём я ей организовал. Специалист знает, какие слова должны быть в заключении. Сходит пару раз — получим тревожность, неустойчивость, невротические проявления. Для суда хватит: со мной детям безопаснее.

Папка хрустит у меня в пальцах. Там лежит бумага, в которой нет ничего подобного. Совсем ничего.

И вдруг всё складывается. Резко, до боли ясно.

Он готовил это заранее.

Месяцами внушал мне, что я вымотана, срываюсь, должна лечиться. Никакой заботы. Просто загодя расставлял нужные отметки на карте.

— Раз уж заговорили о детях, — негромко продолжает Виктор. — Вы точно хотите, чтобы они жили с вами? Одного заявления о лучшем родителе недостаточно. Кто реально будет заниматься школой, болезнями, ежедневными делами?

— Заниматься ими будет няня, как и положено, — лениво отвечает Денис. — Мне нужно, чтобы по закону они оставались со мной. Иначе Полина решит увезти их за границу, выставить из квартиры мою невесту или начнёт ставить условия.

В голове поднимается тонкий звон. Из всего сказанного я удерживаю одно.

— Невесту? — повторяет за меня адвокат.

— Именно. — Муж выдерживает паузу; я почти вижу довольную улыбку. — Ксюшу. Разведусь и сразу распишемся. Она ждёт ребёнка. Жильё запишем на неё, чтобы потом никто не потянулся делить.

Ждёт ребёнка.

Я зачем-то смотрю на собственный живот. После родов он снова плоский, хотя комплексов по этому поводу мне хватит ещё на две жизни. Сейчас там одна пустота. И тошнота, которая уже подбирается к горлу.

Ксюша. Та светловолосая девушка, которую на празднике фирмы представили сотрудницей соседнего отдела? Или давняя приятельница с ночным звонком, ради которого Денис выскочил шептаться на лестничную площадку? Выбирай, Полина. Ассортимент, похоже, есть.

— Денис, это опасная история, — замечает Виктор. — Если жена раньше времени обо всём узнает…

— Не узнает. — Ни малейшего сомнения в голосе. — У неё весь мир — дети да кулинарные занятия. Поплачет, когда объявлю о разводе, и успокоится. Объяснение у меня готово: давно не ощущаю себя мужчиной, рядом с ней ничего не чувствую, несовпадение желаний и прочее. Женщинам привычнее искать причину в себе. С чувством вины она куда охотнее всё подпишет.

Внутри что-то срабатывает с сухим маленьким щелчком.

Будто повернули ключ с другой стороны двери.

Объяснение готово. Несовпадение желаний. Женщины сами виноваты.

Где-нибудь в соседней реальности я уже влетаю в комнату, срываю кольцо, бросаю ему в лицо, кричу так, что сбегается весь этаж. Старательно исполняю роль невменяемой супруги, которую он для меня написал.

Здесь я не двигаюсь. Только всё отчётливее понимаю: стоит сейчас издать хоть звук, и этот звук станет его доказательством.

— А подпись она всё-таки может не поставить, — говорит Виктор.

— Для отказа ей не оставят повода, — Денис даже не задумывается. — Дадим окончательное соглашение под видом предварительных бумаг. Объясним: для кредита на автомобиль, чтобы не тянуть с оформлением. В юридических формулировках она всё равно плавает, тебе ли не знать.

Я вспоминаю прошлогодние листы про какие-то дела фирмы. Его торопливое: «Я уже выхожу, расскажу потом». Свою подпись там, где он показал. Я ведь почти ничего тогда не прочла. Муж просит — значит, можно верить.

За глупость не судят. Только счёт за неё иной раз выставляют такой, что расплачиваться нечем.

— И ещё один момент. — Голос Дениса становится жёстче. — Достань то давнее дело, где фигурировала Полина. Пускай будет под рукой. Мало ли.

Давнее дело. По спине словно выливают ведро ледяной воды.

Значит, он знает. То самое, о чём у нас не принято разговаривать. То, что я столько лет заталкиваю подальше от собственных мыслей.

Я пячусь, едва не налетаю на вешалку с чужим дорогим пальто. Вдохнуть. Выдохнуть. Убраться отсюда раньше, чем дверь откроется и обнаружится, что запись велась без всякой аппаратуры.

Вернувшись к стойке, я снова встречаю взгляд секретарши.

— Полина Андреевна, вы уже…

— Решила не ждать, — отвечаю я. До чего же спокойно получается, даже странно. — Передайте Денису, пожалуйста, что я звонила. Пусть наберёт, когда будет время.

— Обязательно. — Улыбка остаётся на месте. — У вас ничего не случилось?

Конечно, Полин. Всего лишь жизнь разнесло у тебя под ногами. Что тут могло случиться.

— Всё хорошо. Вспомнила, что детей сегодня надо раньше забрать из школы. Лучше поспешу.

Снаружи прохладный воздух хлещет по щекам. Я отхожу от дверей на несколько шагов, прежде чем разрешаю себе по-настоящему вдохнуть. Кулаки всё ещё не разжимаются, ладони мокрые, края медицинских листов больно давят на пальцы.

Открываю папку. На белой странице ровными строчками подтверждено: психических расстройств не обнаружено; пациентка понимает, где находится, мыслит последовательно, на происходящее реагирует адекватно.

Последовательно, ещё бы. Пока моя самая последовательная мысль — прикончить и закопать. Но наружу она не выходит.

Я перечитываю заключение и вдруг почти смеюсь от того, насколько всё нелепо. Вот официальный документ, где обо мне написана правда. И именно он никому не требуется. Денис уже договорился с человеком, который составит другую правду, подходящего образца.

Стоя перед его офисом, я могу выбрать один из двух сценариев.

По первому я реву в телефон, прошу объяснить, как он мог, оседаю где-нибудь на лестнице. Потом делаю всё, что он хочет: детям ведь нужен мир. А Денис рассказывает приятелям, как вовремя спасся от окончательно спятившей жены.

По второму — не выдаю, сколько уже знаю. Прислушиваюсь, киваю, продолжаю изображать удобную. Доказательства складываю по одному. Возвращать мужа? Спасибо, обойдусь. Мне нужно другое: чтобы его аккуратный развод перестал быть аккуратным. И чтобы испачкался в итоге тот, кто развёл всю эту грязь.

Из меня так себе героиня боевика. Сверхспособностей нет, спрятанных за границей денег тоже, личного адвоката одной кнопкой не вызвать. Зато имеются двое детей, ипотека, десять лет без работы и ненужная никому справка о том, что я в своём уме.

Впрочем, кое-что муж упустил.

Молчать умеет не только он.

Я убираю документы в сумку. На прощание поднимаю глаза на стеклянную стену здания: там Денис сейчас спокойно распоряжается моей дальнейшей жизнью, не спросив меня. Затем поворачиваюсь к остановке.

На остановке не сразу нахожу нужную сторону дороги. Две одинаковые скамейки, два одинаковых рекламных лица обещают лёгкую жизнь. Я обычно хожу здесь, не глядя, а сейчас стою и не понимаю, откуда приедет автобус. Нормальная, медицински подтверждённая женщина. С направлением домой временные трудности.

Телефон показывает сообщение из школьной группы: к завтрашнему занятию нужен цветной картон. Чуть ниже — напоминание о взносе за поездку. Мир, оказывается, продолжает требовать картон, даже когда твой брак только что отменили без твоего присутствия.

Открываю банковское приложение. На моей карте сумма, которую Денис перевёл в понедельник на хозяйство. Часть уже ушла на продукты и Дашин бассейн. До следующего перевода хватит, если не покупать собственную новую жизнь.

В прошлом месяце я купила зимние ботинки. Не ребёнку — себе, вот в чём была дерзость. Денис увидел расход и вечером спросил, почему не предупредила. Сумма была обычная, ботинки без золотых молний и личного водителя.

— Я не против, — говорил он, пока я стояла с коробкой в прихожей. — Но я же планирую бюджет. Ты не можешь сначала тратить, потом ставить перед фактом.

— Старые промокают.

— Значит, сказала бы. Я бы нормально выбрал.

Я тогда показала мокрый носок. Очень убедительное выступление самостоятельной взрослой женщины, которой тридцать с лишним.

Он действительно предложил заказать дороже. Но выбирать предстояло ему. Я почему-то долго принимала этот обмен за заботу: мне не отказывают, значит, меня не ограничивают.

Автобус подходит. Люди поднимаются, я пропускаю их, потом отступаю от дверей. От одного пропущенного автобуса теперь мало что изменится. Пять минут у меня есть.

В магазине рядом с остановкой пахнет выпечкой и чистящим средством. Беру картон и тонкую тетрадь. Долго стою перед полкой: клетка или линейка. Над важными решениями люди иногда тупят из-за мелочей. Картон детям, тетрадь мне. На кассе выходит такая сумма, что смешно бы просить у мужа разрешения. Хотя я бы раньше сумела и это назвать обсуждением.

Плачу наличными — остатком сдачи из отдельного кармана. Не тайный капитал. Три бумажки и горсть монет. Зато принадлежат мне без уведомления на чужом экране.

Сажусь на дальнюю скамейку и открываю тетрадь. Первое, что хочется написать: «Денис — сволочь». По содержанию верно. По полезности примерно как нарисовать ему усы на фотографии.

Вместо этого ставлю дату. Время беру из телефонного звонка, который сделала перед выходом из дома. Под ним: офис, восьмой этаж, переговорная, Виктор. Отдельно выписываю то, что услышала. Невеста беременна. Соглашение. Дети. Доктор. Прежняя история.

Рука на слове «дети» снова дрожит. Прижимаю лист ладонью и жду.

У меня нет записи разговора. Есть только моя память, и я не знаю, чего она стоит для кого-то, кроме меня. Но если сейчас всё перемешать, через неделю я уже не отличу его слова от собственных догадок. Даже для себя не отличу.

На следующей странице провожу черту. Слева пишу «слышала», справа «предполагаю». В правую колонку сразу отправляются готовая справка, поддельная подпись и оформленная квартира. Он говорил уверенно. Это не значит, что всё уже существует.

Странно, но от этой разницы становится чуть легче. Под ногами пока не пол. Хотя бы отдельные доски.

Закрываю тетрадь.

На экране появляется Денис. Просто имя. Несколько часов назад я приняла бы звонок с привычным «да, милый» и приготовилась запоминать поручения.

Смотрю на вибрирующий телефон до последней секунды. Потом всё-таки отвечаю.

— Ты заходила? — спрашивает он. — Света сказала, ждать не стала.

Слышно, как двигается кресло. Обычный рабочий шум. Ни раскаяния, ни страха разоблачения. Ему не пришло в голову даже проверить.

— Да. Хотела отдать бумаги. Вспомнила про школу.

— Какие бумаги?

Пальцы сами сжимают край медицинской папки.

— Свои. После врача.

— А. Дома посмотрим. У меня сейчас завал.

— Хорошо.

Пауза. Я думаю, что разговор окончен, но он вдруг спрашивает:

— Ты поела?

И от этого простого вопроса хочется выть сильнее, чем от всего остального. Он и теперь может спросить, поела ли я. Человеческие мелочи никуда не делись. Просто не мешают большому плану.

— Сейчас поем.

— Ну давай. И не забивай голову.

Он отключается.

Покупаю у киоска булку. Есть не хочется, но голодная мама в обмороке — не лучшая фигура сопротивления.

Тетрадь прячу в боковой карман сумки, отдельно от его папок. Ещё ничего не исправлено. Но к услышанному теперь хотя бы приписаны дата и мои собственные слова.

Хочешь развестись — разведёмся, дорогой. Только следы тебе за собой не подтереть.

Глава 2. Мама по всем правилам

От школьной площадки тянет сырым песком и сахарной ватой: киоск с ней почему-то работает даже в ноябре. Ребята вопят так старательно, словно громкость у них оплачивается отдельно. У забора толпятся взрослые, разговаривают, смотрят в экраны.

До звонка ещё несколько минут. Хотя я сама только что придумала, что мне срочно нужно забрать детей раньше. Просто возвращаться домой сейчас невозможно. Слишком много там привычных вещей, которые я пока не могу видеть.

Резкий звонок, открывшиеся двери — и на крыльцо выплёскивается пёстрая толпа с рюкзаками.

— Ма-ам! — первым подлетает Миша, весь взлохмаченный. — У нас сегодня вулкан был, из соды! Ты бы видела, как он взорвался!

— А я пять получила! — Даша торжественно размахивает дневником. — Английский!

Опускаюсь на корточки, притягиваю обоих. Пахнет яблоками, мелом, пластилином и чем-то таким родным, что от одной мысли о потере сводит рёбра.

«Дети останутся у меня». В голове снова говорит Денис.

Ему легко было объявить это из своего тёплого аквариума. А я стою в мокрой снежной каше и вдруг знаю: по-настоящему у меня есть только эти ладошки на шее. И ужас, что их могут разжать.

— Мам, что с тобой? — Даша отодвигается, разглядывает лицо. — Ты ревела?

Быстро провожу по глазам обратной стороной ладони.

— Да это ветер. Пылинка попала, — объясняю так гладко, будто всю жизнь тренировалась.

— Вот! Я же предлагал очки, как у Тимура, — солидно замечает Миша. — Ну такие, в которых учёные бывают. Злые!

У меня вырывается смех. Громковатый, пожалуй. Зато они улыбаются, а остальное подождёт.

До дома добираемся пешком. Я спрашиваю обычное: чем кормили, с кем сегодня поссорились, кого успели очаровать. Они наперебой высыпают мне подробности своего дня. Почти можно поверить, что ничего не случилось.

Но в голове не умолкает другое: «Он намерен поселить их с няней и беременной Ксюшей. Здесь, у тебя дома».

За дом, между прочим, ещё платить ипотеку. Только для Дениса она, похоже, не семейное приобретение, а персональный подвиг мученика. Десятилетнюю мамину смену без выходных в список вложений не включили.

— Мам, папа к ночи придёт? Или сегодня раньше? — интересуется Даша.

Вот это ты удачно спросила. Может, у его адвоката есть расписание.

— Сегодня вроде не задержится. У него какой-то особо важный посетитель, но ужинать должен дома.

Ничего подобного он не говорил. В нашей семье правду давно придерживают, как деньги на чёрный день: на повседневные расходы её жалко.

В квартире всё по обычной программе. Миша высыпает детали конструктора, Даша оставляет одежду прямо в проходе — видимо, её гардероб научился становиться невидимым. Я машинально собираю вещи, отправляю макароны в кастрюлю, крошу салат, запускаю стирку.

Когда тело действует само, у головы появляется свободная комната. Самым гадким воспоминаниям только того и надо.

«Достаньте прежнее дело Полины».

Зажмуриваюсь. Вместо дорогого офиса — больница. Белые стены, хлорный запах. Железная детская кроватка. Синий комбинезон, на груди медвежонок.

Мне девятнадцать, до родного дома шестьсот километров. Поблизости нет ни одного человека, которому можно сказать: «А вдруг я не сумею?»

Беременность началась ещё в восемнадцать. Вернее, началась она раньше, чем я сумела назвать её этим словом. Первую задержку списала на сессию, вторую — на работу по вечерам. Было удобно считать, что у тела просто очень сложный учебный график.

Тест я купила далеко от общежития. Будто продавщица побежала бы докладывать комендантше. Две полоски проступили сразу, и я долго держала коробку перед собой: на картинке результат был нарисован совсем маленьким, мой занимал целую жизнь.

Человек, с которым мы обещали друг другу совместное будущее, сначала сказал:

— Надо спокойно подумать.

Мы подумали. Точнее, он подумал и объяснил, что сейчас не время, он ничего не может предложить, а его родители вообще не поймут. Потом уехал «на несколько дней» и перестал отвечать. Я ещё звонила. Сначала с обидой, потом с извинениями за назойливость. Прекрасное занятие для беременной девочки: просить прощения за то, что не получилось пережить всё незаметно.

Маме я не сказала.

Это важно: она не отвернулась от меня с ребёнком. Она не знала, что он есть. Ей досталась выдуманная дочь, у которой практика затянулась, на каникулы не получается, летом подвернулась работа. Я поддерживала эту версию с усердием отличницы. По телефону спрашивала о её давлении и соседях, охотно слушала про текущий кран. Всё, лишь бы разговор не повернулся ко мне.

Однажды мама спросила:

— У тебя голос другой. Болеешь?

Я сидела на узкой кровати, под ладонью шевельнулся живот.

— Простыла. Ничего особенного.

— Денег прислать?

Мне так сильно захотелось сказать да, что я испугалась. За денежным переводом последовали бы вопросы: на что, сколько, почему не хватает. А потом пришлось бы начинать главное предложение. Я не представляла, какими словами.

— Не надо. Я работаю.

Она обрадовалась моей самостоятельности. Сказала, что гордится. И я после этого просидела на кровати до темноты.

Денег действительно зарабатывала понемногу. Снимала с соседкой угол, брала смены, ходила на занятия. На позднем сроке смены кончились раньше, чем расходы. Соседка искала другую комнату: хозяйка не соглашалась на младенца. Я лежала ночью и складывала в уме цены. Комната, еда, пелёнки, дорога, опять комната. В этих расчётах ребёнок появлялся расходом, которого я не могла покрыть. И от этого я ненавидела себя ещё до родов.

На приёме спросили, кто сможет помочь. Я ответила: никто.

Это было не совсем правдой. Это было правдой той версии жизни, которую я построила из страха. Я успела так обложиться враньём, что выход казался только один: продолжать и не звать маму.

После родов медсестра поправила край синего рукава и сказала:

— Поддерживай голову вот здесь.

Я подставила ладонь. Маленький вес, тёплая щека. Никаких красивых мыслей о смысле существования. Только дикий испуг: я понятия не имею, что делать через час, а этот человек уже целиком зависит от меня.

Разговоров потом было несколько. Предлагали обсудить помощь, спрашивали о родственниках. Я упрямо повторяла, что возвращаться некуда. Будто кто-то проверял, достаточно ли хорошо я выучила эту фразу.

Я помню не один решительный росчерк, а длинные промежутки между вопросами. Окно. Стакан с водой. Ручку, которую всё время клали рядом, потом убирали. И как на последнем разговоре я попросила говорить потише, потому что за дверью спали дети.

Заботиться о тишине я тогда умела. Попросить для себя помощи — нет.

Сейчас мне хотелось бы вспомнить обстоятельство, которое полностью снимет с меня ответственность. Особую жестокость, непреодолимую преграду, чью-то руку на моей. Но настоящая память хуже удобной версии. Обстоятельства были тяжёлыми, я была одна и очень молода. И всё-таки подпись принадлежала мне.

Доктор объясняла бесстрастно, словно зачитывала инструкцию: малыша можно оставить в доме ребёнка, вы совсем молодая, успеете ещё устроить жизнь. Я ставила подписи, почти не различая текста. Хотелось одного — чтобы она перестала говорить. Будто иначе прямо в этой палате придётся выбрать: жить самой или быть с ребёнком.

Преступницей я от этого не стала. Но собственный испуг ещё долго называла самым тяжёлым словом из всех, что знала: отказница.

Спустя несколько лет я уже жила с Денисом и однажды сама всё ему выложила. Дождь барабанил по подоконнику, была ночь, я утыкалась в подушку: от стыда болело почти по-настоящему.

Он перебирал мои волосы и повторял:

— Это давно прошло. Ты сама тогда маленькая была. У нас теперь другая жизнь.

Другая, конечно. Теперь та жизнь аккуратно подшита у его юриста. На обложке можно написать: «Старое дело Полины».

Машинка дёргается, раскручивая барабан на отжиме. Очень кстати. Моим открытиям как раз не хватало оваций.

Вынимаю из сумки врачебное заключение, ещё раз читаю. Затем убираю в ящик, где хранятся важные бумаги: детские свидетельства, полисы, договоры с кружками. И вдруг ловлю себя на вопросе.

А что, собственно, в тех договорах?

Плавание, рисование, летняя смена в лагере — документами всегда занимался Денис. «Я понимаю, как это работает, тебе зачем забивать голову». Сколько удобства в одной фразе. И как незаметно с её помощью тебя вычёркивают из собственной жизни.

Вытаскиваю стопки папок, чеков, соглашений. Шелест стоит такой, будто бумага зашевелилась сама. Тут должны быть и листы, которые я подписывала, не вчитываясь.

Вот один. Участие в некоем совместном инвестиционном начинании семьи. Пытаюсь разобраться. На третьей строчке хочется плакать уже от канцелярского языка, без всякой личной трагедии.

«Первая сторона принимает обязательства… Вторая сторона обеспечивает…»

Первой стороной назначили меня. Внизу мой росчерк. А выше сказано: при прекращении брака я подтверждаю, что не предъявляю второй стороне требований на имущество.

Превосходно. Тут у нас, оказывается, многосерийный проект.

Резко перегибаю бумагу, убираю отдельно в прозрачный файл. Теперь это вещественное доказательство. Пока, правда, в пользу обвинения против меня. Попробуем перевести в другую категорию.

В дверях появляется Миша.

— Мам, мы поедим под мультик, можно?

— Давайте, — отвечаю почти не думая. — Одну серию, и всё.

— А две? — тут же подаёт голос Даша из-за его плеча.

Переговоры ведут хором. В семейном бюджете у них пока главное требование — добавить мультиков.

— Сойдёмся на полутора. После — заниматься.

Убегают, вполне удовлетворённые результатом переговоров. Я снова склоняюсь над бумагами.

Пусть для Дениса я недалёкая женщина при кастрюлях. Даже у такой женщины есть поисковик и запрос «развод без потери всего».

Беру телефон, открываю статьи. Со страниц улыбаются юристы с лицами людей, которым известно решение любой беды. «Отстоим интересы». «Поможем сохранить семью, детей, собственность». «Защититесь от обмана».

Рекомендация везде одна: прежде чем ставить подпись, поговорите со специалистом.

Спасибо, вовремя. Подпись уже стоит. Но шанс поизображать прежнюю доверчивость ещё имеется.

Уточняю запрос: семейный адвокат, помощь женщинам. Не факт, что последние два слова что-то меняют. Просто мне необходимо знать, что кто-нибудь уже выкарабкивался из такой же дыры.

Нахожу страницу юристки. Статьи прямые, злые, без ласковых утешений. В примерах мужья выводят бизнес, а тревожность жён внезапно становится удобным судебным доказательством. Как будто сегодняшнюю беседу за матовой дверью кто-то уже расшифровал.

Ирина Белова. Запоминается сразу. Внизу номер и окошко для обращения.

Палец зависает над кнопкой звонка.

Если начну рассказывать, придётся выложить всё. И мужнины затеи, и подписанные листы, и то прошлое. Ещё один человек узнает, что однажды Полина собственной рукой отказалась от малыша.

Оставляю телефон на столешнице. Дело не в недоверии к Беловой. Себе я сейчас доверяю куда меньше. Заговорю — сорвусь, натворю чего-нибудь. Мне сперва нужно собраться. И научиться носить нужное лицо.

Вместо телевизионной тишины из комнаты доносится спор. Сначала обычный, про занятую половину стола. Потом Миша говорит слишком громко:

— Ты мне не мама!

Я на автомате поднимаюсь. Ещё один семейный суд, только вместо раздела имущества — цветные карандаши.

На Дашиной тетради лежит мокрый рукав. Мишин стакан перевёрнут, на столе лужица.

— Я ему сказала убрать, — объясняет дочь. — Он смотрел мультик и не услышал.

— Я услышал! Я искал тряпку!

За шкафом, видимо. Там тряпки обычно и разводятся.

Беру первую попавшуюся салфетку, уже тянусь вытереть. Даша кладёт ладонь на край стола.

— Мам, подожди. Он может сам.

Слова простые. Мне неожиданно трудно остановить руку.

Миша стоит красный, стиснув губы. Наверное, ждёт, что сейчас ему дадут готовое решение и небольшую порцию стыда к нему.

— Салфетки на кухне, — говорю. — Потом сухим полотенцем. Тетрадь пока переложим.

Он уходит, возвращается, слишком усердно растирает воду. Даша поднимает свою работу двумя пальцами.

— Тут расплылось.

— Можно переписать страницу, — предлагаю.

— Можно. Только не хочу всё заново.

Она вырезает сухой лист, подкладывает под мокрый. Мы ждём втроём, как будто у тетради теперь операция. Миша приносит ей карандаш.

— Этот лучше пишет.

— У меня ручкой.

— Ну я хотел.

Даша берёт карандаш и кладёт рядом.

— Знаю.

Я ухожу на кухню. Несколько минут слышно только, как они двигают стулья. Потом дочь зовёт:

— Мам, проверь, я вопрос правильно поняла?

Не сделай за меня. Не реши всё. Проверь вопрос.

На полях задания нужно записать, что ребёнок умеет самостоятельно. У Даши уже аккуратным почерком перечислено: собирать сумку, приготовить бутерброд, дойти до школы с братом. Последний пункт она зачёркивает.

— Пока ты водишь. Но я дорогу знаю.

— Знаешь, — соглашаюсь. — Потренируемся. Сначала я чуть сзади пойду.

— Только не прямо за спиной, как охрана.

— Ладно, спрячусь в газете.

Она смеётся. Миша просит вписать, что он умеет строить мост, а не только проливать.

Вместо того чтобы унести мокрое полотенце самой, прошу Мишу отнести его сушиться. Он кивает без героизма. Обычный мальчик с обычным делом.

Позже фотографирую высыхающее задание — не для доказательств, просто на память. Внизу Даша дописала: «Если не получилось, можно спросить».

Хорошее школьное правило. Я, кажется, в своё время прошла мимо урока.

В восемь вечера замок щёлкает минута в минуту. Хлопок двери, знакомый голос из прихожей:

— А вот и я!

Дети мгновенно оставляют диван и летят встречать. Я появляюсь следом, с кухонным полотенцем в руках.

Готовая семейная открытка. Домочадцы приветствуют состоявшегося, утомлённого добытчика. Только теперь я вижу, как под лаком разошёлся холст.

— Привет, мои хорошие. Как провели день? — Он целует Дашу в волосы, взъерошивает Мишу.

— Мы сегодня вулкан! — они перебивают друг друга, стараясь рассказать всё разом.

Слежу за ним так, как, наверное, следят за человеком в комнате для допроса. Не упустить бы движение, оговорку, выражение глаз.

— Полин, привет, — наконец вспоминает он обо мне.

Прикасается губами к щеке. Без тепла, скорее по привычной схеме.

— Ты как?

«С установленной тобой нестабильностью борюсь. Пока успешно».

— Всё хорошо. Поесть уже можно. У тебя день как?

Он снимает верхнюю одежду и чинно убирает в шкаф. Вот наше принципиальное различие: внешнего бардака он не переносит. С внутренним удивительно уживается.

— Клиент тяжёлый попался. Сплошные переживания, вопросы без конца. Понимаешь же.

Понимаю прекрасно. Я сегодня и была тем самым тяжёлым случаем. Только стояла за дверью и подслушивала.

— Хорошо хоть ты у меня тихая, — продолжает он по пути к столу. — Кстати, всё хотел сказать: нервы твои надо приводить в порядок всерьёз.

Вот и нужный заход.

— Так я сходила. Ты ведь советовал, — сообщаю, выкладывая ему макароны и овощи.

Брови у него идут вверх.

— Да? Что тебе сказали?

Ставлю тарелку перед ним, не отвожу глаз.

— Что с психикой у меня всё в порядке. Такой неожиданный результат.

На мгновение в глазах будто проступает досада. Мгновение — и снова образцовая невозмутимость.

— Ну, замечательно. Хотя одним заключением наши конфликты не объяснишь. Бывает, что по всем критериям здоров, а с эмоциями… — он крутит рукой в воздухе. — Сама ведь замечаешь, как тебе непросто.

Тут где-то рядом должна возникнуть любимая его юристом эмоциональная неустойчивость.

Я приветливо улыбаюсь.

— А как мне легко будет? С тобой-то.

Дети хихикают. Денис тоже растягивает губы: записал в семейные шутки. Хорошо, пусть хранится там.

За едой он делится забавными случаями из конторы, расспрашивает Дашу об английском, у Миши узнаёт про футбол. Со стороны — полная гармония. Не услышь я его днём, сама бы решила, что подозрения в разводе выдуманы больным воображением.

— Ещё про документы, — вдруг вспоминает он, пока дети заканчивают компот. — Нужно будет твой автограф поставить на одном договоре. Рабочий момент, с твоей подписью проще провести. Завтра принесу, сегодня уже не станем.

Я перестаю двигать вилкой.

Следующая сцена. Главный постановщик подаёт реплики.

— Разумеется, — отвечаю безмятежно. — Для чего у меня муж-юрист, если ему не верить?

Он кивает с довольным видом. Детям сейчас интереснее сырники, никаких подтекстов они не улавливают.

Приходит время укладываться. Мише, как всегда, необходима дополнительная страничка сказки, Даша сообщает, что вообще-то уже умеет читать без мамы. Сажусь между кроватями, веду по строкам глазами, произношу слова. До сознания они не доходят.

В сознании занято.

Ни одной подписи.

Максимум готовности поставить любую.

Когда книга закрыта, Миша обвивает мне шею руками.

— Мам, а у нас с папой развода не будет? Помнишь, как у Ромы?

Даша сразу перестаёт шуршать одеялом.

У того, кто пишет события моей жизни, сегодня особенно мрачное чувство юмора.

— А что тебя натолкнуло? — спрашиваю как можно осторожнее.

— Просто… — он теребит край пижамы. — Рома говорит, что семей теперь две и это классно. Только по папе он всё равно скучает. Я не хочу, чтобы так. Ни по тебе, ни по нему.

Даша сдвигает брови.

— Если развод, папа совсем-совсем уезжает?

Сначала вдыхаю, потом медленно выпускаю воздух. Тут ошибиться нельзя.

— Это значит, что взрослые больше не живут в одном доме. Мама отдельно, папа отдельно. Но папой он от этого быть не перестаёт. Не обязательно же исчезать насовсем.

«Разве что он внесёт вас в имущественную опись и присвоит», — услужливо уточняет мой внутренний комментатор.

— А вы не станете отдельно? — Миша сжимает руки ещё сильнее.

— Мы всегда будем вашими родителями, — отвечаю. — А вы не должны ничего исправлять между нами. Если что-то поменяется, мы скажем вам сами.

Лёгкого обещания «никогда» не получается. Миша немного хмурится, потом согласно кивает. Даша просит оставить дверь приоткрытой. Провожу ладонью по одной голове, по другой, гашу ночной свет и прикрываю дверь.

В проходе стоит Денис.

— Ты их накручиваешь, — заявляет с раздражением. — С чего они вообще заговорили про разводы?

Сейчас бы спросить, с чего у него вообще завелась невеста. Вместо этого сжимаю зубы.

— У Ромы мама с папой разошлись. Дети слышат, думают, переживают. Это естественно.

— Естественно, когда ребёнок знает: мама и папа не расстанутся, — отрубает он. — У нас с тобой таких планов нет. Или есть?

И тут до меня окончательно доходит: в его конструкции даже щёлочки для сомнений нет.

Развод для него — процедура с печатями. Жену поставят в известность после завершения, когда её подпись уже не понадобится. До этого ей положено спокойно верить в вечное «мы вместе».

Поднимаю глаза и выдерживаю его взгляд.

— Откуда им взяться? Семья-то у нас образцовая.

Напряжение у него немного спадает. Подходит, ладони ложатся мне на талию.

— Хорошая моя, — шепчет. — Завтра постараюсь рано приехать, бумаги захвачу. Договорились?

— Договорились.

Слово вроде простое. В одном случае означает согласие, в другом — отсрочку. А иногда в нём умещается: «Доберусь до тебя. Чуть позже».

Лежу без сна. Денис рядом сопит размеренно, носом в подушку. Я рассматриваю потолок и раскладываю дальнейшее по порядку.

Первое. Мне нужен собственный юрист. Не абстрактное «надо бы как-нибудь», а запись на конкретное время.

Второе. Найти всё, что в его руках способно стать оружием: расписки, договоры, прочие листы с моим росчерком. И проверить бумаги, о подписании которых я ничего не помню.

Третье. Разобрать то, что я годами прятала подальше. Прошлое, которым он собирается размахивать в суде. Нельзя дать ему первому изложить удобную версию. Я должна рассказать сама. Значит, сперва придётся признать: да, это произошло со мной, и от признания я не исчезну.

Наверное, на переходе от второго к третьему меня всё-таки уносит в сон.

Там опять больничные стены, железная колыбель, синий комбинезон с медведем. Я беру ручку — и поверх моих пальцев ложатся чужие. Мужчина ведёт моей рукой, оставляет подпись. Ладонь ледяная, словно железная перекладина.

Просыпаюсь от собственного крика. Сердце несётся. Денис поворачивается, недовольно мычит:

— Полин, ну опять? Ты можешь наконец нервами заняться? Серьёзно уже.

— Могу, — отвечаю едва слышно. — Уже начала.

Отворачиваюсь к своему краю, нахожу на тумбе телефон. Снова сайт Ирины Беловой. Пока муж засыпает обратно, набираю в форме:

«Нужна консультация по разводу. Супруг — юрист. Возможно, документы с моей подписью подделаны. У нас двое детей. Есть эпизод в прошлом, который он собирается обратить против меня. Прошу помочь».

На кнопке отправки палец заметно дрожит.

Всё. Обратно сообщение не втянуть.

Убираю телефон, смыкаю веки. За весь этот день впервые разрешаю себе сказать правду хотя бы мысленно.

Меня от ужаса мутит.

Только страх у меня обычно с запасом. А времени, чтобы разобраться в его правилах и обыграть, может уже не хватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.